

УДК 340.12

**ОБЩЕПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ МАРГИНАЛЬНОСТИ
О ПРОБЛЕМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ***Р.Ф. Степаненко***Аннотация**

В статье рассматриваются актуальные проблемы дискретного функционирования таких фундаментальных социальных институтов, как право и экономика. Закономерным результатом этой ситуации становится значительная социальная дифференциация российского населения, негативные проявления которой видоизменяют качество правовых отношений, исследуемое, в числе прочего, общеправовой теорией маргинальности.

Ключевые слова: социальные и экономические права, отчуждённость, правовая маргинальность, правовая экономическая политика.

Формирование общеправовой теории маргинальности происходит в условиях преобразований социально-экономической, демографической, культурной, образовательной и иных сфер общественной жизни России. Современные тенденции конституционализации юридической науки, обусловленные необходимостью реализации принципов и норм международного права, положений Основного закона Российской Федерации, закрепляющих в качестве высшей ценности права и свободы человека, способствуют переориентации ранее значительно догматизированной объектно-предметной сферы правоведения на антропоцентристские направления и подходы, методологически связанные с плюрализмом и интерсубъективизмом правопонимания.

Эволюция современной отечественной социогуманитаристики, в том числе и юридической её компоненты, базируется на синтезе общенаучных познавательных практик о месте и роли личности в разнообразных государственно-правовых отношениях, взаимосвязях и взаимодействиях индивидов с обществом на микро- и макроуровнях и т. д. Маргиналистика, изучающая такую специфическую сферу коммуникации, как отчуждённое, пограничное и сложно адаптируемое взаимодействие с ценностно-нормативным пространством определённого числа индивидов (групп), в настоящее время обладает значительным массивом исследований, представленным в 48 диссертационных работах в различных областях отечественной научной рациональности (философия, история, социология, политология, право, психология и др.). В свою очередь, это актуализировало значительный научный интерес маргиналистики к ряду актуальных проблем в области теории права и государства, и наоборот.

Выстраиваемая нами концепция представляет собой систему полученных и производимых знаний в сфере изучения особенностей, закономерностей и эмерджентных качеств феномена отчуждённости, пограничности и дезаккомодации (маргинальности), свойственных субъектам права в процессе взаимодействия личности с обществом, государством и соционормативным пространством. Под *правовой маргинальностью* нами понимается самоорганизующаяся система обуславливающих друг друга факторов объективного (политического, социально-экономического, идеологического, законодательного, культурного и др.) и субъективного (личностно-биопсихологического, духовно-нравственного и др.) характера, детерминирующая взаимное отчуждённое, деаксиологическое состояние правоотношений (в широком смысле) государства и личности [1].

Принимая во внимание имеющееся в общеправовой теории маргинальности подразделение исследуемой совокупности маргинальных субъектов на *социально незащищённые* и *социально неблагополучные*, а также *социально опасные* группы и учитывая определённую условность границ такой дифференциации, отметим, что в рамках юридической науки внутри- и межотраслевым изучением вопросов правового регулирования в сфере защиты и соблюдения прав и свобод малоимущих, пенсионеров, социальных сирот, проблем с невыплатой заработной платы, пособий и всего того, что обусловлено рецессивным экономическим положением социально незащищённых субъектов права, в большей степени занимаются такие отрасли, как конституционное право, право социального обеспечения, трудовое, финансовое и налоговое право и т. д.

В то же время маргинальные группы (индивиды) второго и третьего типов вызывают наибольший интерес в теории права и государства, криминологии, уголовного и уголовно-исполнительного права, административного права и т. д. с точки зрения:

а) изучения специфики и особенностей их правовой культуры и правосознания, разнообразных видов отчуждённого и «пограничного» между правомерным и противоправным (маргинального) поведения, негативно сказывающихся (по ряду разнообразных причин объективного и субъективного характера) на уровне и состоянии правонарушаемости в российском обществе;

б) формулирования превентивных механизмов правового воздействия на процессы маргинализации в целом.

Необходимо пояснить, что рассматриваемая типологизация в формате общеправовой теории маргинальности проведена прежде всего с учётом интегрального понимания и объяснения самого научного междисциплинарного понятия *маргинальность* в контексте зарубежной и российской маргиналистики. Как представляется, социально-философские, философско-правовые, историко-социолого-правовые, экономико- и политико-правовые категории *отчуждённая личность*, *отчуждённое государство*, *отчуждённое право*, *отчуждённые субъекты права* и многие другие понятия, характеризующие исторически-релятивистское состояние правовой действительности российского общества и являющиеся базовыми в концепции общеправовой теории маргинальности, в том числе в понимании и объяснении каузальной природы правовой маргинальности, констатируют наличие проблем системного характера в политической, экономической, социальной, культурной и других сферах деятельности отечественных

институтов власти (законодательной, исполнительной, судебной). Острейшие вопросы данных направлений государственной политики объективируются или требуют своей объективации в области обоснования и построения правовой антимаргинальной политики [2].

На *макроуровне* правовая (юридическая) маргинальность формируется как результат диспропорциональности сущностных коммуникативных свойств общественных систем, нарушения их целостности, обладающий негативным социальным эффектом. «Это исключение из функциональных культурных и социально-экономических процессов» [3, с. 25], в том числе правовых. На *микроуровне* это темпорально изменчивое особое состояние правового бытия человека, находящегося в маргинальном положении (ситуации), обусловленном преимущественно статусно-экономической несостоятельностью, формально определяемое юридическими регуляторами общественных отношений.

В данном контексте сверхактуальной в рамках общеправовой теории маргинальности становится, как отмечает председатель Конституционного суда РФ В.Д. Зорькин, проблема сложившейся существенной социально-экономической дифференциации в современной России, где 71% всех россиян владеют лишь 3.3% всех денежных сбережений, тогда как 5% богатых и очень богатых владеют 72.5% сбережений, не учитывая средств, переведённых за рубеж категориями этих богатых слоёв [4, с. 98]. В концептуальном монографическом исследовании «Право в условиях глобальных перемен» Зорькин уделяет пристальное внимание рассмотрению причинности таких негативных проявлений в экономико-правовой сфере, как:

- проведение «беспрецедентной» по степени несправедливости приватизации государственного имущества;
- нелегитимность крупной собственности и, как следствие, неэффективность российской экономики, низкая инвестиционная привлекательность, отсутствие потенциала для инновационного развития;
- отставание или отсутствие нормативно-правовой регламентации хозяйственно-экономических отношений;
- наличие проблем соотношения права и социальной справедливости, отставания права от потребностей социальной и экономической реальности;
- негативизм либерализации законодательства в сфере установления санкций за совершение экономических преступлений;
- деформированный характер политико-правового режима и т. д. [4, с. 114–125].

Анализируя доклад В. Иноземцева и Н. Кричевского «Постпикалевская Россия» (2010), В.Д. Зорькин останавливается на трёх основных особенностях кризисного состояния экономики России: 1) большинство компаний, ставших объектами финансовой опеки со стороны властей, де-юре не являются российскими; 2) перевод активов из корпоративной (в том числе государственной) собственности в личную; 3) наличие и рост внешних долгов многих корпораций, преднамеренное их банкротство, возложение обязанности выплаты долгов (в частности, в последнее время в банковском секторе. – *Р. С.*) на государство. «Элементарный расчёт показывает: для обеспечения пособием в 4900 руб. в месяц всех 7 млн российских безработных (данные на 2009 г.) нужно 13 млрд долларов

в год. До недавнего времени такая сумма раздавалась неэффективным собственникам практически ежемесячно» [4, с. 101], – критично отмечает автор.

Социально-экономическая ориентация политики государства и специфическая мотивация государственных структур в отношении поддержки частных интересов отдельных юридических лиц не выдерживают, по мнению большинства обществоведов, конструктивной критики. Проблемы бездомности, бедности, социального сиротства, безработицы, нелегальной миграции и многие другие остаются зачастую вне интересов надлежащего правового государственного регулирования, хотя и возникают в юрисдикционном пространстве России.

Интересующая общеправовую теорию маргинальности экономико-правовая неурегулированность материальных условий жизнедеятельности, в частности, бездомных людей подавляет их волю, создаёт предпосылки и условия для «рискованного» маргинального поведения. Согласно данным, полученным при проведении исследования их маргинального образа жизни, установлено, что «только 40% лиц без определённого места жительства имеют ежедневный доступ к горячей пище, водопроводная сеть является источником питья 70% бездомных, из открытых источников (реки, водоёмы, текущие трубы и т. д.) утоляют потребность в воде 17% опрошенных. Каждую зиму умирают сотни бездомных, тысячи становятся инвалидами в результате обморожений. 66% из числа опрошенных бездомных бросают своё место жительства в поисках работы» [5, с. 15–16, 108].

Кроме того, огромные средства государство тратит на депортацию нелегальных мигрантов, оставляя при этом вне зоны внимания социальную поддержку граждан России, оказавшихся в крайне уязвимом социально-экономическом положении. В связи с этим данная проблемная сфера интересует общеправовую теорию маргинальности с точки зрения изучения масштабных миграционных (демографических и экономических) процессов и их влияния на качество отечественного законопорядка.

Ежегодно в Россию на заработки, по различным данным, приезжает около 14 млн иностранных граждан, около 80% из них – граждане СНГ. Личные переводы денег из России в страны СНГ в 2012 году составили 20.11 млрд долларов. Около (или даже более) половины ВВП Таджикистана складывается из доходов от трудовой миграции на территории России [6], отмечает директор Аналитического центра МГИМО доктор политических наук А. Казанцев. Из-за отсутствия должного правового регулирования процессов миграции Россия ежегодно недополучает 117 млрд руб. [7].

В ситуации высокой коррупциогенности теневого рынка трудовых услуг, оказываемых мигрантами (легальными и нелегальными), демпинговых цен за их труд и выполнения ими работ вне сферы правового регулирования трудовым законодательством РФ, а также из-за других причин неправового характера оказавшиеся без работы российские граждане, если они зарегистрированы органами труда и занятости в качестве официальных безработных, получают ежемесячные денежные пособия, минимальный размер которых составляет 850 руб., максимальный – 4900 (в зависимости от региона проживания) (I).

Противоречащим Конституции РФ и в целом здравому смыслу, по нашему мнению, является соотношение размеров минимальной оплаты труда (МОТ)

и величины прожиточного минимума. Так, Постановлением Правительства РФ от 17 декабря 2013 г. № 1173 установлена величина прожиточного минимума в целом по России за III квартал 2013 г. для трудоспособного населения – 8014 руб., для пенсионеров – 6097 руб., для детей – 7105 руб. (II), тогда как МРОТ составляет 5554 руб. в месяц (III), что изначально означает невозможность проживания на данную зарплату в условиях законодательно установленного прожиточного минимума.

«Эффективность» такого рода законодательной нормированности находит свою реализацию в увеличении социально незащищённых групп российских граждан, однако формально они не фиксируются и не признаются нормами права в качестве малоимущих или же неимущих, не признаётся и их невозможность содержать себя и свою семью на сумму, официально установленную как МРОТ.

Вероятно, чуть «выше» данных групп в социально-экономической «иерархии», исследуемой известным российским экономистом Т.И. Заславской, находятся работники промышленности, транспорта, связи, здравоохранения, образования, то есть работники бюджетных сфер с невысоким уровнем душевого дохода, скудными условиями жизни, главный источник дохода которых – зарплата. Они не имеют социальных льгот и привилегий, у них низкая жилищная обеспеченность. Среди неквалифицированных работников этой сферы распространено чрезмерное потребление алкоголя [8, с. 310–320].

Заславская отмечает, что экономико-социологическую структуру общества формирует «глубинный и устойчивый тип общественного неравенства, проявляющийся в дифференциации социального статуса групп» [8, с. 265]. Весьма печально исследовательницей обрисована перспектива одного из вариантов «бюрократического» (а не демократического) перехода к рынку, при котором класс трудящихся обнаружит, что «потерял даже номинальное право совладельца народного состояния, окончательно превратившись в люмпена» [8, с. 111].

Действительно, перманентность реформирования и модернизации российского общественного устройства детерминировала ускорение процессов маргинализации, обусловивших, в свою очередь, формирование значительного числа социально незащищённых групп населения. Последние, как обосновываемый и выделяемый нами самостоятельный экономико-правовой институт, оказались за «границей» правового регулирования в части должного обеспечения и защиты их социальных и экономических прав и интересов.

Представляется, что если «под экономико-правовым институтом логично понимать экономически действующую социальную общность или инструментальную форму такой общности, защищённую юридическими нормами и обычаями» [9, с. 44], то лежащие в основе типологизации общеправовой теории маргинальности такие факторы, как социальная и экономическая неспособность граждан материально обеспечить себя и своих близких при помощи правомерных способов (зарплата, пенсия, стипендия, пособия и др.), гарантированных государством, дают основание понимать данную сферу экономико-правовых отношений личности и государства как недостаточно юридизированную либо в целом неправовую.

Целесообразность юридизации сферы экономико-правовых отношений «проистекает из факта устойчивых дегенеративных изменений, происходящих

в России на протяжении последних 25 лет. Правомерные по форме решения или отсутствие решений публичных властей в этой сфере, то есть действия или бездействие власти, в качестве косвенных последствий имеют стабильную *инволюцию* развития страны. <...> Неюридизированность этих сфер делает их способом свободного, усмотрительного манипулирования, деяния которого не могут образовывать предмета ответственности никакого из уровней власти» [9, с. 53], – считают авторы коллективного концептуального монографического исследования «Экономико-правовые институты регулирования развития Российской Федерации» (Москва, 2013).

Проведённый авторским коллективом учёных Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ анализ базовых институтов экономико-правовой сферы деятельности государства способствует формулированию и объяснению комплекса причин, обуславливающих деструктивизм *дихотомического функционирования* институтов права и экономики в современной России.

Правовая маргинальность как форма отчуждённости государства и личности от права (и наоборот) является во многих случаях следствием бедственного положения социально незащищённых слоёв населения, оказавшихся в «пограничном» экономическом положении, в том числе в связи с модернизацией российской экономики, не обеспеченной и не институционализированной должным образом механизмами правового регулирования. Ситуация удручающего стагнационного и материального состояния исследуемых общеправовой теорией маргинальности групп (страт) вызвана комплексом таких причин, как:

– сохранение тенденции преобладания экономических интересов над правовыми;

– коррупциогенность методов «властеуправления» в сфере образования финансовых ценностей и экономических ресурсов, извлечение и распределение получаемой прибыли «замкнутым, чётко очерченным кругом субъектов»;

– злоупотребление со стороны должностных лиц и госслужащих своими полномочиями как находящимися в их собственном «патримониальном владении»;

– отсутствие законодательства о государственной собственности, создающее условия для самопроизвольного манипулирования (продажи, приватизации и т. д.) последней;

– неурегулированность правом различных «инновационных» проектов, отсутствие стратегий их возможного завершения, перманентность реформирования экономики, доминирование частных интересов над публичными, отсутствие механизмов «правовой квалификации» экономики в качестве «модернизированной» [9, с. 125–138].

Последнее положение, на наш взгляд, имеет отношение и к архаичным, стереотипным взглядам юридической науки, сохраняющей монистическое видение экономики в качестве базиса, а права – в качестве надстройки. Такое видение нивелирует острейшие проблемы правового обеспечения отношений экономического характера, значительным образом игнорируемые правоведами во имя «искусственно оберегаемой чистоты» юриспруденции, не всегда изъясляющей

желания реагировать на масштабные социально-экономические изменения общественных и связанных с ними правовых отношений.

В этом смысле наличие пробелов и недостаточная эффективность российского законодательства, обусловленные в числе прочего чрезмерным заимствованием опыта зарубежной юриспруденции и ориентацией на защиту частной собственности определённых групповых (индивидуальных) экономических интересов, «не носят случайного характера, они, как правило, направлены на обеспечение сохранения неререформируемого качества российского права как державного права» [9, с. 42], – критично отмечают правоведы и экономисты.

Между тем доктринальность закреплённой в ст. 1 Конституции РФ идеи построения правового государства, а также стратегия формулирования и реализации правовой политики, обосновывающая функционирование государства только на основе верховенства права, как ранее, так и в настоящее время, как ни странно, в правоведении всё ещё носят проблемно-дискуссионный характер. В особенности это относится к применению в юридической науке категории *правовая политика*.

Представляется, что философское и общенаучное непозитивистское мировоззрение и, что особенно важно для юриспруденции, «правовоззрение» (по С.А. Муромцеву) познающего субъекта, понимающие под политикой искусство, то есть мастерство управления обществом или делами общества, основанное на морали и знаниях (сократовская трактовка), не согласуются в полной мере с позитивистским объяснением политики как способности и возможности завоевания, удержания и использования власти.

Именно позитивизм (а конкретнее – легизм) участвовал в формулировании и популяризации такого понимания политики. Легисты разводили политику и мораль, считая их несовместимыми, полагая, что государство не обязано блюсти интересы подданных, а народ для правителя является лишь средством достижения целей (укрепления личной власти, завоевания чужих земель и т. д.). В современной социогуманитаристике категория *политика* чаще всего рассматривается именно в позитивистском контексте, как отмечает В.С. Тарасов [10].

Напротив, как указывал С.А. Муромцев, только правовая политика «в смысле *теории искусства*... определяет, что *должно быть*, к чему следует *стремиться*» [11, с. 27]. Именно правовая политика, справедливо отмечает О.Ю. Рыбаков, способна регулировать широкий круг общественных отношений и направлять их по пути контрольного, общезначимого, глобального и всестороннего влияния на социальные условия в целом [12, с. 8].

Такая теоретико-методологическая постановка проблемы, которой нам было необходимо уделить внимание, предоставляет общеправовой теории маргинальности возможность научного обоснования *правовой экономической политики*, способной рационально и эффективно регулировать социальную, бюджетную, финансовую, налоговую и другие сферы экономики только на основе верховенства права, где доминирующая роль должна принадлежать соблюдению и защите конституционных социальных и экономических прав всех граждан, формально закрепляемых законодательством посредством установления экономико-правового статуса социально незащищённых групп (индивидов).

Исследуя теоретико-методологические особенности установления правового статуса вообще, Б.Б. Тишаев обосновывает целесообразность введения особой его разновидности – экономико-правового статуса: «Вряд ли сегодня найдётся тот, кто будет всерьёз утверждать, что кто-либо, не важно, индивид или социальная группа, может в современных условиях находиться вне экономико-правовой среды и строить своё поведение без учёта закономерностей экономического и правового развития государства и общества. <...> Другое дело, что с точки зрения права экономик может быть как правовой (официальной), так и теневой (неофициальной) либо преступной (криминальной)» [13, с. 44].

На самом деле, признавая Российскую Федерацию социальным государством в ст. 7 Основного закона, законодатель вряд ли имел в виду, что целью государства в связи с охраной труда и здоровья матерей, отцов, детей, инвалидов и пожилых граждан является полное принятие на себя обязательств по защите социальных и экономических прав этих категорий граждан. С другой стороны, как отмечалось нами ранее, каждый гражданин (в том числе и выделенные в ст. 7 Конституции РФ категории) является потребителем товаров и услуг, в которых «заложен прибавочный продукт», поступающий в казну государства и кратно «окупающий» вложенные государством в «человеческий фактор» средства. К тому же законопослушное исполнение налоговых обязательств большинством «трудящихся» даёт основания «рассчитывать» на поддержку государства, например, в периоды болезни, нахождения в декретном отпуске, в отпуске по уходу за детьми, при выходе на пенсию и т. п.

Одной из основных функций государства, особенно в переходные периоды, должно стать оптимальное правовое перераспределение благ от собственников средств производства к социально незащищённым гражданам. Кроме того, при наличии и формализации социальных и экономических прав и свобод граждан в нормативно-правовых актах должны устанавливаться обязанности не только человека, но и государства, с указанием конкретных юридических механизмов оказания помощи социально незащищённым группам населения. Фиксация и концептуальное изучение юридической наукой социальных и экономических прав и свобод граждан должны служить объективным подтверждением её общесоциального предназначения в утверждении принципов гуманизма, справедливости и социальной солидарности, являющихся важнейшим средством демократизации экономической и социальной жизни современной России.

Интересы индивида и коллектива, общества, государства не могут быть автономными, они должны быть солидарными. В их синтезе, соединяющем справедливость и свободу, в их сопряжении пусть даже с формальным равенством заключено будущее отечественной государственности и права. Социальная солидарность должна основываться на признании не только личных, гражданских и политических, но также социальных и экономических прав, так называемых прав-притязаний. Установление социальной солидарности требует доктринального осмысления процессов координации и сбалансированности прав-притязаний, ценность которых «выгодна и угодна обществу», способствует упрочнению конституционного строя, который, в свою очередь, создаёт юридические условия для развития самой личности в общении с себе подобными

и в процессе их воздействия на природу и общественные отношения [14, с. 7–9], как справедливо отмечает профессор Б.С. Эбзеев.

Украинская исследовательница Н.С. Скок утверждает, что изменения внешних и внутренних условий существования, возникшие вследствие ширококомасштабных и неэволюционных трансформаций социальной структуры и ценностно-нормативной системы, непринятия индивидами радикальных системных изменений политических, социально-экономических и духовно-нравственных условий, привели к *маргинализации* большей части населения Украины. В украинском обществе, обусловленном требованиями складывающихся новых социально-политических реалий, приспособление к таковым сопровождается деморализацией граждан, которые практически находятся в «скрытой форме противостояния государству» [15].

Бесконечные процессы реконструкции социально-экономической реальности спровоцировали глобальную правовую (юридическую) маргинальность, приводящую к ширококомасштабным протестным настроениям большинства населения Украины. В этом контексте примечательно, что впервые в юридическую науку понятие *маргинальное поведение* было введено В.В. Оксамытным в диссертационном исследовании «Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы)» (Киев, 1990) [16, с. 131–152].

Придерживаясь позиций правоведов, изучающих проблемы маргинализации, в целях обеспечения законности и правопорядка, а также для соблюдения и защиты конституционных прав и интересов социально незащищённых групп населения в российском обществе общеправовая теория маргинальности предлагает:

1) провести правовые мониторинг, экспертизу и оценку действующего законодательства на предмет его эффективности в сфере соблюдения и обеспечения социально-экономических прав и свобод граждан;

2) изучить и установить объективные и научно аргументированные критерии дифференциации (стратификации) социально-экономической структуры российского общества;

3) на основе полученных данных осуществить нормативное закрепление в действующем законодательстве экономико-правового положения (статуса) социально незащищённых групп;

4) установить должные размеры социальных выплат, пособий, компенсаций, пенсий и произвести их своевременную индексацию с учётом фактической инфляции;

5) обеспечить контроль за справедливым и своевременным распределением этих средств.

Итак, концептуальность изучения правовых и экономических отношений в их единстве есть одна из важнейших задач современной общей теории права. Системность исследования проблем неправового или внеправового функционирования экономики имеет общегуманитарное значение, а также определяет телеологическую аксиоматичность и интенциональность самого права – как идеи формального равенства, справедливости и свободы.

Summary

R.F. Stepanenko. Legal Regulation of Social and Economic Relations in the Context of the General Legal Theory of Marginality.

The article discusses the current issues of the discrete functioning of fundamental social institutions such as law and economics. The logical outcome of this situation is a significant social differentiation of the Russian population, the negative effects of which alter the quality of legal relations, studied, among other things, by the general legal theory of marginality.

Keywords: social and economic rights, exclusion, legal marginality, legal economic policy.

Источники

- I – Постановление Правительства РФ от 30 окт. 2013 г. № 973 «О размерах минимальной и максимальной величин пособия по безработице на 2014 год» // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). – 2013. – Ст. 5809.
- II – Постановление Правительства РФ от 17 дек. 2013 г. № 1173 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации за III квартал 2013 г.» // Рос. газ. – 2013. – 23 дек.
- III – Федеральный закон от 2 дек. 2013 г. № 336-ФЗ «О внесении изменения в ст. 1 Федерального закона “О минимальном размере оплаты труда”» // СЗ РФ. – 2013. – № 49. – Ст. 6337.

Литература

1. *Степаненко Р.Ф.* Причинность, понятие и виды правовой маргинальности // Государство и право. – 2014. – № 6. – С. 98–103.
2. *Степаненко Р.Ф.* Понятие, основные виды и направления правовой политики в сфере правового регулирования процессов маргинализации // Право и политика. – 2014. – № 4. – С. 493–504.
3. *Корнилова О.А.* Маргинальная личность как предпосылка формирования студенческого экстремизма: Дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2012. – 245 с.
4. *Зорькин В.Д.* Право в условиях глобальных перемен. – М.: Норма, 2013. – 496 с.
5. *Коваленко Е.А., Строчкова Е.Л.* Бездомность: есть ли выход? – М.: Фонд «Институт экономики города», 2010. – 128 с.
6. *Сытник О.* Казанцев: ежегодно в Россию въезжает порядка 14 млн иностранцев // РИА Новости. – URL: <http://ria.ru/interview/20131029/973411747.html>, свободный.
7. *Башкатова А.* Экономика РФ терпит убытки из-за нелегалов // Независимая газ. – 2013. – 17 окт. – URL: http://www.ng.ru/economics/2013-10-17/1_illegal.html, свободный.
8. *Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. – М.: Дело, 2002. – 568 с.
9. *Казанцев Н.М., Бухвальд Е.М., Бахтизин А.Р., Букина И.С., Дементьева О.А., Коцюев А.Г.* Экономико-правовые институты регулирования развития Российской Федерации. – М.: Гриф и К, 2013. – 468 с.
10. *Тарасов В.С.* Политика // Всемирная энциклопедия: философия. – М.: АСТ, Минск: Харвест, Современ. литератор, 2001. – С. 797–798.
11. *Муромцев С.А.* Определение и основное разделение права. – СПб: ИД С.-Петербур. ун-та, Изд-во юрид. фак. СПбГУ, 2004. – 224 с.

12. *Рыбаков О.Ю.* Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 352 с.
13. *Тишаев Б.Б.* Экономико-правовой статус личности: структурно-содержательный анализ: Дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2011. – 195 с.
14. *Эбзеев Б.С.* Конституции Российской Федерации – 20 лет: государство, демократия, личность сквозь призму практического конституционализма // Государство и право. – 2013. – № 12. – С. 5–17.
15. *Скок Н.С.* Субъективное время в контексте исследования маргинализации украинского общества // Материалы Междунар. науч.-практ. конференции «Толерантность и интолерантность в современном обществе: осмысление новой реальности». – СПб.: Лань, 2012. – С. 276–281.
16. *Оксамытний В.В.* Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы): Дис. ... д-ра юрид. наук. – Киев, 1990. – 374 с.

Поступила в редакцию
12.05.14

Степаненко Равия Фаритовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Университет управления ТИСБИ, г. Казань, Россия.
E-mail: StepanenkoRF@yandex.ru